

Маттиас Лангхофф привез на Чеховский фестиваль бессмертную комедию Николая Гоголя «Ревизор»

Известия - 2003 - 28 июня - с. 13

Пахнет дело его коза нострой

Надо быть истинно великим режиссером, чтобы поставить русскую пьесу, и уж тем более пьесу Гоголя, не подкрепив ее для вящей убедительности шапкой-ушанкой, кислыми щами, грязными сортирами, протяжными и разухабистыми песнями и прочими атрибутами широкой русской души. Маттиас Лангхофф (родился в Швейцарии, живет во Франции, «Ревизора» поставил в итальянском «Театро ди Дженова») — режиссер, судя по всему, изобретательный. Но не великий. В его спектакле так пахнет Русью, что хоть всех святых выноси.

Марина ДАВЫДОВА

Помимо русского духа «Ревизор» Лангхоффа источает много других — приятных и не очень — запахов. Он отдает режиссурой Мейерхольда, комедией дель арте, клоунскими гэггами, советскими фильмами сталинских лет, итальянским неореализмом (совсем чуть-чуть) и итальянской же оперой-буффа. От него за версту разит овощной базой, клопами и «совком» (а куда же без «совка»? надо быть совсем пнем и венником, чтобы, ставя «Ревизора», забыть о «совке»). Все это мелко порублено, перемешано и приправлено знаменитой музыкой Альфреда Шнитке к «Ревизорской сказке» Юрия Любимова, используемой нынче как заставка в каждой третьей телепередаче и как музыкальный фон в каждом втором спектакле по Гоголю. Кроме музыки Шнитке, в спектакле звучат: фокстрот «На том же месте, в тот же час», танец маленьких лебедей из балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро», веселая песня «Раз, два — люблю тебя, люблю тебя», берущая за душу «Вечерний звон» (исполняется хором), величественная «Славное море, священный Байкал» (исполняется Городничим), патетическая «О великом друге и вожде» (исполняется в финале).

К безусловным достоинствам постановки Лангхоффа стоит отнести то обстоятельство, что некоторые сцены решены в ней истерически смешно, а почти все артисты, за исключением, пожалуй, лишь Хлестакова (Юрий Феррини), играют талантливо и задорно. К недостат-

кам — то, что она идет четыре часа кряду, и, вдоволь посмеявшись, хочется уже наконец и соснуть.

Начальная сцена происходит в интерьере, напоминающем одновременно советскую канцелярию и столовую советской же тюрьмы. Тут есть даже окно с решеткой, на котором висит табличка с сакраментальным, обжалованию не подлежащим русским словом: «Закрывать». Рядом с окном — икона явно неправославного происхождения. Неподдалеку от иконы — ящики с мороженой рыбой, которую лихо перекладывает туда-сюда женщина необъятных размеров и неопи-сываемых форм. Большая часть чиновников похожа на замордованных совслужащих. Почтмейстер, с аппетитом пожирающий спагетти, — на опереточного хлыща. Все вместе — на коза ностру, заброшенную волей судьбы в российскую глубинку. Вот приехал псевдоревизор и престо, престо разрушил их дольче фарньенте.

Темпераментные Анна Андреевна и Марья Антоновна собачатся друг с другом сначала по-итальянски, потом по-русски, потом по-французски. Осип в исполнении Феруччи Солери (легендарного Арлекина из стрелеровского шедевра «Арлекин — слуга двух господ») произносит свой монолог в сортире. Сортир драит с важным видом какая-то горничная татарского вида, которую Осип потом, тоже без сожаления, отдраит. Хлестаков, явно подсмотренный в фильмах о шпане времен гражданской войны, с голодухи запихивает в рот газету и кусает Осипа за руку. Чуть позже он исполняет лацци с курницей и супом, которое в присутствии Феруч-

чи Солери исполнять как-то даже и неловко.

Все это смотрелось бы дико, если бы не спасительная сценико-графическая метафора. Канцелярии, комнатухи, залы, сортиры и гостиничные номера этого «Ревизора» упакованы в конструкцию, отчаянно напоминающую татлинскую «Башню III Интернационала». Она стоит в руинах, отчего отчаянно напоминает еще и башню Вавилонскую. Тут произошло смешение языков, смешение времен, смешение народностей и смешение нравов. Тут все наклонилось, покосилось и вот-вот полетит вверх тормашками в тартарары. Столпотворение, одним словом, — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Эту метафору мы все готовы оценить и одобрить. Я лично готова была бы даже простить за нее режиссеру телепающуюся под колосниками, плохо перерисованную работниками итальянских постановочных цехов фреску «Страшного суда» Микеланджело, если бы спектакль «Театро ди Дженова» не напоминал, помимо Вавилонского столпотворения еще и давку в большом универсаме, торгующем режиссерскими идеями всех оттенков и мастей.

В «Ревизоре» наличествуют теплый юмор, едкая сатира, мистика (в финале на сцене появляются две крысы в человеческий рост, а вслед за ними — настоящий ревизор, похожий на Хлестакова), гротеск, фарсовость, психологизм, соц-арт, поп-арт (даже про Сталина нам спели, чтобы мы, блин, не забывали своего прошлого и не обольщались насчет настоящего). Иными словами, тут есть все, что угодно для души, а также для социологических изысканий, этнографических исследований и написания книжки по истории режиссуры XX века.

Тут нет лишь самой малости для написания безусловно положительной рецензии, а именно собственной, цементирующей все эти, без сомнения, важные и полезные

Хлестаков (Юрий Феррини) и Анна Андреевна (Мюриэль Майетт) не теряют времени даром

вещи идеи. Ближе к финалу у проныцательного зрителя не остается решительно никаких сомнений: все

увиденное — не столпотворение никакое, а самая что ни на есть настоящая, русским людям не пона-

слышке знакомая разруха, которая, как известно, кончается в сортире, а начинается всегда в голове.